

RU

Роль личности в фонографической ассимиляции французской лексики:
на материале лексикографических источников и текстов А. С. Пушкина

Гордеева Л. П.

Аннотация. Цель исследования – выявление фонографических вариантов, используемых А. С. Пушкиным при освоении французских заимствований, в сопоставлении с общепринятыми процессами адаптации иноязычных лексем в XVIII-XIX вв. Анализу подвергаются словоформы галлицизма и прототипа, обнаруженные методом выборки в лексикографических источниках и в текстах автора-билингва. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале произведений А. С. Пушкина описан и систематизирован процесс фонетико-графической интерференции русского и французского языков. В результате исследования определена степень влияния французской речи на отечественную литературную норму, изменения правил употребления одной структурно-семантической единицы под воздействием другой в сложившейся ситуации лингвистического взаимодействия двух языковых систем. Особенность французского алфавита, наличие знаков, отсутствующих в русском языке, приводит к появлению специфичных рядов и их распространению в указанный период. В то же время при взаимодействии двух языков тексты писателя отражают индивидуальные черты восприятия фонетико-графического материала другого языка посредством функционирования вариантов, которые не воспроизведены в лексикографических источниках рассматриваемого периода.

EN

The role of the individual
in the phonographic assimilation of French vocabulary:
based on lexicographical sources and texts by A. S. Pushkin

L. P. Gordeeva

Abstract. The study aims to identify the phonographic variants used by A. S. Pushkin in the assimilation of French borrowings, in comparison with the conventional processes of foreign lexeme adaptation in the 18th and 19th centuries. The word forms of both the Gallicism and its prototype, selected from lexicographical sources and the texts of the bilingual author, are subjected to analysis. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, using the material of A. S. Pushkin's works, the process of phonetic-graphic interference between the Russian and French languages is described and systematized. As a result of the study, the extent of French speech influence on the Russian literary norm is determined, alongside the changes in the usage rules of one structural-semantic unit under the impact of another in the context of the linguistic interaction between the two language systems. The specificities of the French alphabet, particularly the presence of characters absent in Russian, led to the emergence and spread of specific phonetic-graphic series during the period under study. At the same time, in the interaction of the two languages, the writer's texts reflect individual characteristics of perceiving the phonetic-graphic material of another language through the functioning of variants that are not reproduced in the lexicographical sources of the period.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена сосредоточением научного интереса на антропоцентрическом подходе в языкознании, в котором внимание уделяется языковой компетенции носителя, где язык индивида становится центральным понятием языковой личности, а человек предстаёт как носитель определённой культуры. Языковая личность, способная создавать, воспринимать и перерабатывать тексты, обладающая своими особенностями стратегической и коммуникативной организации речемыслительной деятельности, становится предметом исследования с целью познания процессов восприятия чужого языка. Как известно, на формирование норм литературного языка оказывают влияние объективные и субъективные причины.

Если в качестве объективных факторов рассматривается уже сложившаяся система употребления грамматических, лексических, орфографических, орфоэпических и др. правил конкретного языка, то в роли субъективных – история носителей языка, воздействие на речь их культуры, искусства, литературы. Писатели, публицисты, блогеры, общественные деятели во многих случаях становятся инициаторами языковых изменений, принимают активное участие в творческой реконструкции иноязычных элементов, создавая новые формы слов. Писатели-билингвы посредством индивидуально-авторского освоения новых слов формируют пласт языка, показывающий не только понятийный аппарат единицы, но и иллюстрирующий её художественный, стилистический смысл. Изучение опыта предыдущих поколений позволяет проследить динамику в развитии и адаптации заимствованных единиц на примере авторитетной личности, родоначальника современного литературного языка, имеющего международный статус и известного в мире.

Такого рода исследования дают возможность не только установить общие закономерности ассимиляции иноязычных единиц, но и определить ее индивидуально-авторские особенности, поскольку план выражения неотделим от плана содержания, мировидения и способа познания внешнего мира того или иного народа.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) исследовать хронологию процесса ассимиляции французских заимствований и выявить стабилизацию и активизацию в варьировании лексем на фонографическом уровне в разных тематических группах;
- 2) выявить особенности соотношения вариантов в «плане содержания» и «плане выражения» в лексикографических изданиях и в творчестве А. С. Пушкина;
- 3) рассмотреть типологию фонетико-графического освоения языковой единицы в текстах А. С. Пушкина;
- 4) определить влияние внелингвистических процессов на особенности ассимиляции.

Материалом для изучения стала картотека из галлицизмов, извлеченных методом сплошной выборки. К исследованию также привлекались сведения из толковых, орфографических, аспектных, этимологических и исторических словарей, контексты использования номинаций в творчестве автора-билингва.

Теоретическую базу составляют труды Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой и Л. Л. Кутиной (1972), У. Вайнрайха (1979), Л. П. Крысина (2012), А. А. Сидорова (2013), В. В. Палыкиной (2024), Е. А. Лукиной (2024), М. В. Сенченковой (2025), посвященные описанию процессов заимствования, в том числе во французском языке, интерференции, а также вариативности французского языка в разных аспектах её проявления. Базовые принципы практической фонетики французского языка были рассмотрены на материале Е. А. Коголовой (2022), заимствования из других языков – в работе О. Ю. Динисламовой и Л. Н. Панченко (2024). В исследовании учитывались работы А. С. Пушкина (1988), в частности его критические заметки о роли языка в обществе, рассматривались различные подходы к понятию «метафизический язык» у Д. В. Токарева (2023). Важным аспектом исследования в определении роли автора в ассимиляции заимствованных единиц в конкретный период стали работы в сфере концептологии и литературоведения Акила Омри и Наили Фаттаховой (2022), А. В. Игнатенко (2025), И. Галеевой (2024), а также труды по психолингвистике и лексикографии И. Стернина (2021), А. В. Рудаковой (2022), А. И. Томиловой (2024), М. Н. Приемышевой и Е. Г. Стуковой (2024).

При решении задач, определенных в работе, использовались следующие методы исследования: методы теоретического анализа, применяемые для систематизации фактического материала и выведения определенных закономерностей в процессе описания; сравнительно-сопоставительный метод при определении фонетико-графического облика галлицизма в рассматриваемых языках; элементы лингвокультурологического и лексикографического описания при иллюстрации номинативного варианта; метод концептуального анализа для выявления словоформы рассматриваемых лексических единиц, а также когнитивно-прагматический метод, позволивший установить и описать когнитивные механизмы, лежащие в основе конструирования лексемы, репрезентируемой французскими заимствованиями.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования основных положений и результатов исследования при разработке лекций и практических занятий по современному русскому языку, лингвокультурологии. Отдельные положения могут применяться при составлении словаря заимствованной лексики в языке писателя. Материалы исследования также могут быть полезны при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, общего и сравнительно-исторического языкознания.

Обсуждения и результаты

Фонетико-графическая интерференция является частью общего процесса изучения взаимодействия языков и рассматривается в работах многих исследователей. Существуют различные точки зрения и на определение интерференции. У. Вайнрайх (1979) один из первых дал пояснение указанному лингвистическому процессу, определив его как заимствование языковых элементов одного языка в другой и межъязыковое отождествление элементов двух языков, изменение одного из них под воздействием другого языка. Лингвист выделяет типы межъязыковой интерференции, представленные фонетическими, грамматическими и лексическими разделами. При этом фонетическая интерференция связана с переносом произносительных норм языка-донора в язык-реципиент. Интерференция в этом случае наблюдается в случаях расхождения фонемного инвентаря контактирующих языков. Учёный не разграничивает понятия «заимствование» и «интерференция». В нашей работе мы также будем использовать данные термины при описании процесса освоения французского языка принимающим языком. Прежде чем перейти к исследованию, следует также отметить,

что интерференцию изучают как коллективную, так и индивидуальную. Лексикографические источники, на материале которых представлен анализ ассимиляции, отражают общий процесс коллективного восприятия чужого языка, тогда как тексты А. С. Пушкина иллюстрируют частные варианты из общего процесса русификации иностранных слов. Интересен также и подход к выбору иностранного языка для заимствования, например, В. В. Палыкина (2024, с. 61) связывает данный процесс с языком, который «обладает наибольшим престижем» в данную эпоху. Как известно, с 60-х годов XVIII века французский язык начинает применяться параллельно с русским, что, соответственно, приводит к появлению нового стиля, нового «смешанного» языка уже на основе адаптированного. О необходимости «метафизического языка» в связи с тем, что «ученость, политика и философия ещё по-русски не изъяснялись...» (1988, с. 45), – пишет и А. С. Пушкин. Актуальность исследованию придаёт «новофранцузский период (XVII-XVIII вв. и до настоящего времени)», в который устанавливаются «нормы, регулирующие развитие и функционирование языка вплоть до сегодняшнего дня» (Сидоров, 2013, с. 194).

В рассматриваемый нами период выделяются два процесса фонетико-графического функционирования. Во-первых, лексемы, которые были заимствованы в начале XVIII в., к первой трети XIX в. уже адаптировались и отражают современные нормы литературного языка. Во-вторых, слова, которые вошли в русский язык позже, напротив, склонны к проявлению вариативности.

Тенденцию к стабилизации фонетического облика можно отметить у существительного *журнал*, с 1702-1720 гг. известного как *юрнал*, *журнал*, *журнал*, где влияние *jou* (фр. *journal*) приводит как к вариации гласных у/ю, так и к нивелированию в первом варианте ж- (*юрнал*) (СРЯ XVIII, 1992, с. 148; САР XVIII, 1790, с. 1189). Словарь Академии Российской, первый в истории российской толковой лексикографии нормативный словарь (Приемышева, Стукова, 2024, с. 10), способствует признанию орфографической нормы *журнал*.

Что касается существительного *ассамблея*, у которого адаптационный период приходится также на первую треть XVIII в. – это 1699-1728 гг., то источники представляют девять форм существования лексемы. Конфигурации видоизменяются не только при ассимиляции двойных согласных, например, первые лексемы, несмотря на французский источник с удвоением *assemblée*, не принимают указанную модель и функционируют с одной -с- в 1699-1706 гг. (*асамблея*, *осамблея*, *асомблея*, *осомблея*), парные -сс- проявляются только в 1706 г. и в 1728 г. (*ассамлея*, *ассамблея*) и используются параллельно с одной. Вариации присутствуют при ассимиляции начальных гласных а/о, согласных б/п (*сапмлей*, 1715), сочетаний *мбл/мл/пмл* и конечных *ея/ей/еа* (СРЯ XVIII, 1984, с. 104). А. С. Пушкин в своих произведениях (СЯП, 1956, с. 52) фиксирует словоформу 1710 г. *ассамблея*, где конечные -ея (-lée) реализуются по аналогии с французскими *ливрея*, *галерея*, так как вариант 1728 г. *ассамблея* с окончанием -а после -е не допускают грамматические правила русского языка.

В следующей языковой единице мы можем наблюдать ту же особенность в признании нормативной одной из первых модификаций лексемы, хотя варьирование отмечается как в колебании рода *барьер* (1712 г.) – *барьера* (1749 г.) (СРЯ XVIII, 1984, с. 145), так и в транскрипции отдельных звуков. Здесь уже количество разночтений сводится к четырём при ассимиляции всю первую половину XVIII в., отрицается и французское удвоение *barrière*. Оппозиция представлена соотношением мужского и женского родов, так как гласная языка-донора -е могла как нивелироваться (*toilette* – *туалет* «наряд, убор»), так и приводить к употреблению в женском роде (*côtelette* – *котлета*): «Друзей поссорить молодых // И на **барьер** поставить их...» (Пушкин, 1954, с. 102).

Перечисленные версии представлены в XVIII в., в пушкинское же время варианты нейтрализуются и совпадают с современным нормативным произношением: *журнал*, *ассамблея*, *барьер*.

Буквальный перевод соответствующей французской единицы также приводит к отсутствию вариативности: *carton* → *картон*, *anecdote* → *анекдот*, *invalide* → *инвалид*, *valet* → *валет*, *boston* → *бостон*, *pharaon* → *фараон*, *capot* → *капот* и др. Стоит подчеркнуть, что калькирование указанных лексем связано с отсутствием удвоения во французских формах, что, соответственно, упраздняет колебания плана выражения галлицизма.

Таким образом, вариантность устраняется у галлицизмов, претерпевших длительный промежуток ассимилятивного процесса в XVIII в., в ходе которого варьированию подвергаются морфема или звук, сочетание (*ассамблея*: -самл-, -сомб-, -самп- и др, -ея, -ей, -еа, *журнал*: жур-, жюр-, юр-; *барьер*: -рриер, -рьер, -риер) или парные согласные. Транслитерированная передача лексем языка-донора также является одной из основных тенденций в отсутствии вариативности в языке-реципиенте. Устойчивость фонетико-графической словоформы показана на материале произведений А. С. Пушкина, в то время как другие литературные источники и тезаурусы могут фиксировать отклонения от предложенной автором-билингвом нормы (*анекдот* и *анегдот* и др.).

Необходимо отметить, что инвариантность как процесс освоения лексем в языке-реципиенте непосредственно связана с вариативностью. Материальная форма заимствованных слов при сохранении «единства означаемого» претерпевает значительные изменения в процессе адаптации языковой единицы в принимающей среде. Эти преобразования в первую очередь затрагивают звуковую оболочку новых единиц языка и сопровождаются появлением фонографических разночтений у одной номинации. «Способность к варьированию и модификации, – как отмечают О. Ю. Динисламова и Л. Н. Панченко, – является неотъемлемой частью любого языка» (2024, с. 269). Вариативность – естественное состояние языка вследствие лингвистической эволюции, контакта стран, воздействия многочисленных и разнохарактерных внутрисистемных факторов. Причем не только «в старо- и среднефранцузских рукописных текстах» отмечается «большое количество вариантов» (Лукина, 2024, с. 77), но и в «новофранцузский период».

Начало заимствования следующих французских единиц отмечается в 1720 г., варианты фиксируются на протяжении всего XVIII в. В этот период актуальным для Российского государства остаётся использование форм с передачей бигеминальных согласных -лл-/-л-, -рр-/-р-.

План выражения лексемы *brillant* (фр.) (DAF, 1762, p. 217) находит воплощение в принимающем языке как в чередовании согласных -лл-/-л-, так и в воспроизведении французской *i* – -а-/-у-/-е-/-и- (*балиант*, 1720-е гг., *брулиант*, 1721, *бтелиант*, 1734, *брильянт*, 1735), конфигурации -llant – -лиант/-льянт. В 1790 г. функционируют двойные -ллиан, затем в 1792 вновь возвращаются к одной -л- и не фиксируется конечный -т: -лиян/-льян (*брилиян*, *брильян*) (СРЯ XVIII, 1985, с. 140). К перечисленным версиям добавляются пушкинское *бриллиант* (СЯП, 1956, с. 117) и далевское *брилиант* (ТСЖВЯ, 1989а, с. 128), хотя А. С. Пушкин не ограничивается одним вариантом и в его произведениях можно наблюдать следующие разновидности: «все в жемчугах и **брилиантах**» («Дубровский») (СЯП, 1956, с. 167), «все **бриллианты** ее матери» («Барышня-Крестьянка») (СЯП, 1956, с. 117), «**бриллианты** принадлежали К-вой» («Дневник 1833-1835») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 549), но преобладающим остаётся нормативный: «подарил... портрет (с **бриллиантами**)» (Пушкин, 1950, т. 6, с. 471) (СРЯ XVIII, 1985, с. 140; ОСКП, 2000, с. 71).

К вариативности приводит и ассимиляция номинативной единицы **бильярд** (1769 г.) (*billard*), которая не устраняется вплоть до XIX в. Процесс русификации иностранной единицы отмечается в 1720 г. моделью *билиарт*, при воссоздании лексемы очевидны фонетические правила русского языка, звук [т] – это оглушение согласной на конце, сочетание *ли* – попытка смягчить французский двойной -ll-. Впоследствии предприняты ещё два способа смягчения *lla* – *ли/лья* (*билиарт*, 1720, *бильяр*, 1763), французский *i* практически во всех случаях не претерпевает изменения и функционирует как русское *и*, только один случай отмечен в 1775 г. – *беллиард* (СРЯ XVIII, 1984, с. 23). Попытки оглушения согласного -д → [т] на конце прекращаются сразу после 1720 г. и во всех дальнейших орфографических вариантах приводится звук [д]. Ассимиляция существительного продолжается до середины XIX в. Несмотря на то что в 1790 г. мы уже можем наблюдать форму *билиард*, другие словари признают нормативным *билиард* (САР XVIII, 1790, с. 23; САР XIX, 1809; ТСЖВЯ, 1989а, с. 87). Произведения А. С. Пушкина используют транскрипцию XVIII в. – *билиард* 1790 г. и *бильяр* 1769 г.: «играя на ободранных **билиардах**» (Пушкин, 1954, с. 291), «Он на **бильярде** в два шара // Играет с самого утра» (Пушкин, 1954, с. 80).

В пушкинский период сокращается план выражения лексем *брилиант* и *бильяр*, хотя вариативность полностью не устраняется, тексты писателя иллюстрируют авторскую передачу номинативных единиц в разных жанрах.

Чередование у А. С. Пушкина наблюдается также при субституции -гг- в лексемах **каре/каррея** (*carre* – фр.): «он выстроился в **каре**» (Пушкин, 1950, т. 6, с. 124), «выстроить ее в **карре**, поставя экипажи в середине» (Пушкин, 1950, с. 631) или «в центре **каррея**» (Пушкин, 1950, с. 632). Версия *каррея* и *карре* устаревают, а литературной впоследствии остаётся *каре* (ТСЖВЯ, 1989b, с. 92; БСИС, 2004, с. 285).

Интерес вызывают и особенности передачи французских согласных *c/z/s* в сочетании с другими звуками. Например, -нс- в лексемах *vacances* и *stance*: *ваканция*, *вакансия* – *ваканс*, *ваканц* (Биржакова, Войнова, Кутина, 1972, с. 214): «...мы отстали один за другим и разбрелись по квартирам, толкуя о скорой **ваканции**» (Пушкин, 1954, с. 230), – и *станс/станц*: «кроме элегии *Одиночество* и **станса** *Любовь и Ненависть*» («Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова. 1836») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 332), «как узнаете князя Вяземского в **станцах** метафизических» («Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 92). Или -нс- *sensura* – *цензура/ценсура*: «освободив его от **цензуры**» («Отрывки из писем, мысли и замечания») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 44), «он злится на **цензуру**» («Александр Радищев») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 379), «**ценсурным** комитетом» («Дневник 1833-1835») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 569). *Цензор/ценсор* от французского *sensor*: «**Ценсор** Никитенко» («Дневник 1833-1835») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 567), «**ценсор** подумал» (Пушкин, 1950, т. 5, с. 567) и «**цензор** С. Н. Глинка» («Отрывок из литературных летописей») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 69).

Финаль -tie (*aristocratie*) находит реализацию в дублетах **аристокрация/аристократия**: «древнюю **аристокрацию?**» («О дворянстве») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 37), «могущественную **аристократию**» («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 153). При обращении к цитатам можно отметить прагматическую установку автора: со словом *древняя* + архаизм, *могущественная* + норма, где речь идёт, возможно, об уместности использования форм галлицизмов.

Передача [с] и [ц] – распространенная форма переложения согласных звуков в критических и публицистических произведениях А. С. Пушкина. В конце XVIII в. графический облик заимствований в основном уже нормализуется. При этом в разных грамматических категориях существительное может «звучать» по-разному, например, в *станцах* имеет обстоятельственное значение, а означаемое (кроме) *станса* указывает на дополнение.

При интерференции двух языков вариативность чаще возникает с французской *e* – *e/э*. Чередование в языке-реципиенте начальных и корневых *e/э* при замещении французских букв *e/é* наблюдается в лексемах *эффект*, *дуэль*, *менуэт* и др. Разновидности с модификацией начальных гласных получают широкое распространение в лексеме **эффект** (*effectus*): «для **большого эффекта**» («Истории Пугачёва») (Пушкин, 1950, т. 6, с. 239), «**большого эффекта**» («Баратынский») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 168). При этом в галлицизме можно наблюдать и чередование -ф/-ф-: «необходима для полного **эффекта**» (Письма Пушкина) (СЯП, 1961, т. 4, с. 1050). Корневая морфема *дуэль* (*duel*) «бой для двоих» (DELФ, 1961, с. 259): «не для **дуелей**» (Пушкин, 1954, с. 462), «хочет вызывать Онегина на **дуэль**» («Возражение на статью “Атеней”») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 58). Кроме того передача -и- в источнике представлена дублетами *у/ю*: *дуель* 1702 г. и *дуэль* 1711 г., *дюэль* зафиксирован в 1803 г. (СРЯ XVIII, 1992, с. 49).

Следующий галлицизм «легко узнаваем благодаря носовым звукам» (Коголова, 2022, с. 70): **менуэт** (*menuet*) с носовыми согласными звуками [m] и [n], которые фонетическим оформлением указывают на французский источник и редко подвергаются модификациям в языке-реципиенте в связи с тем, что совпадают

с русскими сонорными звуками [м] и [н]: «играть **менуэт**» («Арап Петра Великого») (СЯП, 1957, с. 560), «протанцевал с ней **менуэт**», «с которой ты танцевал **минавет**» (Пушкин, 1954, с. 203). Причём означающее *минавет* направлено на реализацию прагматилистической установки автора для исторического воссоздания петровской эпохи.

Варианты с русскими гласными у/о в русификации французского звука [о] можно встретить в лексемах *фронт* – *фрунт*: «один из начальников авангарда или **фронта**» (Пушкин, 1950, т. 6, с. 638), «на углу **фрунта** аррьергарда» (Пушкин, 1950, т. 6, с. 638), «со стороны **фрунта**» (Пушкин, 1950, т. 6, с. 639). Дублетность гласных в галлицизмах вызвана у драматурга дифференциацией значения, тогда как этимологический словарь М. Фасмера (ЭСРЯ, 1987, с. 208) объясняет появление фонем [у]/[о] народным происхождением (фр. прототип *front*) при единстве плана содержания.

Применение структурно-семантических единиц с разными звуками, наличие или замена фонем могут быть обусловлены как сюжетной линией произведения, уместностью использования формы, так и авторской целью достижения художественного эффекта.

Необходимость использования заимствованных слов А. С. Пушкин объясняет отсутствием «метафизического языка». Вместе с тем существуют различные точки зрения и на определение «метафизического языка» (Пушкин, 1988, с. 45), как одно из дефиниций функционирует понятие «военный... нацеленный на решение прежде всего прагматических задач» (Токарев, 2023, с. 10). К таким лексемам в текстах А. С. Пушкина относятся языковые единицы *баталия*, *баталион* и *галиот*.

Фонетическая единица **баталия** (*bataille*, XII в.) – ‘вид фехтования’ (DELFA, 1961, р. 77) – на протяжении XVIII в. имеет несколько графических моделей: *баталия* 1697 г., *баталля* 1703 г., *боталия* 1706 г., *баталиа*, *баталея* 1709 г. (СРЯ XVIII, 1984, с. 150). При сохранении гласной первого слога *-а-*, которая претерпевает изменения лишь в случае 1706 г. (*боталия*) и единственного удвоения в 1703 г., различному формообразованию чаще подвергается сочетание *ille* – *лия/лля/ля/ля/лея* (см. выше). У билингва мы наблюдаем сокращение вариантов: «Каково идет **баталья?**» (Пушкин, 1954, с. 475) и «счастливую **баталию**» (Пушкин, 1950, т. 6, с. 429). Следует отметить, что вариант с *ь* – *баталья* – характеризуется использованием в разговорном стиле, поэтому в тезаурусах сохраняется *баталия* (ТСЖВЯ, 1989а, с. 53; БТСРЯ, 2000, с. 61; БСИС, 2004, с. 95), начиная с середины XIX в. по настоящее время.

Хотя в следующей лексеме при наличии форм *батальон/баталион* (*bataillon* (DELFA, 1961, р. 78)) наблюдается дифференциация в установлении литературного варианта: нормативный Словарь Академии Российской фиксирует *баталион* – «отряд пехотного войска» (САР XIX, 1806, с. 110), вслед за ним и В. И. Даль закрепляет эту же форму (ТСЖВЯ, 1989а, с. 53), а в настоящее время – *батальон* (СРЯ XVIII, 1984, с. 34; БТСРЯ, 2000, с. 61). А. С. Пушкин также придерживается академического варианта XIX в. *баталион*: «устроить **баталион-карре**» (Пушкин, 1950, т. 6, с. 622), – так как в его произведениях частота употребления данной формы преобладает над установившейся в современный период нормой: «с 5 **батальонами** гвардии» (Пушкин, 1950, т. 6, с. 325).

Можно заметить, что на появление форм с *-и-* и *-ь-* влияет, очевидно, соотношение литературных норм и разговорного варианта. При этом конструкция с *-ли-* в перечисленных лексемах рассматривается как транслитерация французского источника, тогда как появление на русской почве дублета с *-ль-* объясняется особенностями принимающего языка, в то же время гласный звук [и] и мягкий знак выполняют единую функцию: служат для обозначения мягкости согласного, поэтому указанные версии функционируют как равноправные. Те же разновидности действуют и у галлицизма *галиот/гальот* (*galiotte* в СРЯ XVIII в.) – «небольшое каботажное судно; испанский военный корабль» (ЭСРЯ, 1986, с. 381). Несмотря на единое значение у М. Фасмера, А. С. Пушкин дифференцирует варианты, где *галиот* чаще употребляется как ‘военный корабль’, а *гальот* – ‘небольшое судно’: «2 бомбардирных **галиота**» (Пушкин, 1950, т. 6, с. 482), «10-го прибыл бомбардирский **галиот**» (Пушкин, 1950, т. 6, с. 471), «были и бомбардирные **галиоты**» (Пушкин, 1950, т. 6, с. 482), «множество **гальотов**» (Пушкин, 1950, т. 6, с. 290).

Во всех перечисленных случаях военная терминология была представлена двумя наиболее активными элементами, действующими в пушкинский период, – это *-ли-* или *-ль-*.

При сохранении военной составляющей «метафизического языка» нельзя отрицать и его светский характер, «язык практической мысли, которая реализует себя в дружеском, светском, а подчас и любовном общении» (Токарев, 2023, с. 23). Одной из таких языковых единиц является и галлицизм *талия* – *taille*, который при русификации приобретает формы *талия/талья*. В текстах писателя они представлены разными семьями, вероятно, это вызвано «ассоциативным значением», хранящимся в памяти носителя языка (Томилова, 2024, с. 68): круг → окружность → обхват → *талья/талия*, где *талья* – «**круг** карточной игры до окончания колоды у банкомёта или до срыва банка» (СЯП, 1961, с. 475-476): «счастливой **талья**» («Общество московских литераторов») (Пушкин, 1950, т. 5, с. 73), – а *талия* ‘часть туловища’: «узкая **талия**» (Пушкин, 1954, с. 193). При этом разграничение понятий не отмечается ни в одном тезаурусе XIX в. (НС, 1806, ч. 3, с. 791; ч. 2, с. 302; ТСЖВЯ, 1991, с. 389), в то время как у писателя варьирование плана выражения приводит к появлению установленного автором содержания.

Таким образом, вариативность вызвана фонетическими правилами русского языка, когда иноязычное слово пытаются русифицировать посредством применения процессов орфоэпических норм русского языка, которые начали формироваться также в XVIII в., одновременно с процессом заимствования французских слов, что создаёт определённую трудность в ассимиляции и приводит к разнообразному количеству вариантов, как с опорой на морфологию русского языка так и с опорой на фонетику. В связи с этим появляются

колебания в передаче двойных согласных, корневых морфем и окончаний языковой единицы. При соответствии иноязычного звука единицам языка-реципиента разночтений, как правило, не возникает. Авторская позиция в ассимиляции иноязычного источника сводится к следующему: во-первых, А. С. Пушкин не во всех случаях использует зафиксированный в лексикографических источниках вариант, во-вторых, он дифференцирует источники со стороны как грамматики (отсюда, возможно, варианты *станс* и *станц*), так и лексикой (*талья*/*талия*).

Значительные трудности возникают при ассимиляции сочетаний, в таких случаях присутствует оппозиция между вариантами с транслитерацией французского источника, с воздействием языка-реципиента и следовательно появлением вариантов на русской почве. Сохранение графического облика прототипа свойственно языковым единицам при русификации французского *i* в сочетаниях *ie* (*ие*), а его замена на *-ь-* приводит к преобладанию орфоэпических особенностей языка-реципиента.

Орфоэпическое восприятие французского языка, как известно, связано с воспроизведением звука [г], когда «иноязычность внешнего облика несомненна, а источник происхождения отыскивается сравнительно легко» (Крысин, 2012, с. 52), таким уникальным фонетическим «сигналом» становится **арьергард** – *arrière-garde* (DAF, 1762, р. 104), где *-arde* – словообразовательное средство выражения эмоциональной окраски (Галеева, 2024, с. 50). Языковая единица заимствована в 1708 г., в это же время М. Фасмер отмечает фонографический облик *арьергардия* («с изменением окончания под влиянием *гвардия*») (ЭСРЯ, 1986, с. 92). Изменение окончания может быть связано с влиянием французского женского рода (DAF, 1762, р. 104), носителями отечественного языка предпринята попытка привести окончание в соответствие с правилами русского языка (*-а*, *-я* в ж. р.), несмотря на то что «формальное выражение категории рода имён существительных в русском языке (флективном) и французском языке (аналитической структуры) существенно различается» (Сенченко-ва, 2025, с. 259), поэтому впоследствии закрепляется галлицизм с нулевым окончанием: «**Арьергард** составляли дивизия... и конница» («Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 года)») (СЯП, 1956, с. 29). У А. С. Пушкина в XIX в. можно наблюдать дублиеты *арьергардия* и *арьергард* (СЯП, 1956, с. 46), хотя в основном преобладают формы *арьергард* и *арьергард*.

В результате фонографической интерференции часть лексем с сочетанием *-ie-* образует вариантный ряд заменой французского *-е* гласными *е*, *э*, где имеет место факсимильное воссоздание прототипа или передача иноязычного элемента с помощью *-ь-* (*арьергард*/*арьергард*, *пьеса*/*пьеса*/*пизса*).

В целом на формирование фонетического облика в принимающей среде оказывает воздействие «специфика национального исторического пути и национальной географии» (Омри, Фаттахова, 2022, с. 55), исходя из которой вариативность транскрипционной структуры может являться не только средством выражения фонологического аппарата изучаемой страны, но и результатом лингвистической географии и выразителем коммуникативного и когнитивного сознания языковой личности. Вслед за И. Стерниным (2021), который выделяет значение, представленное в индивидуальном сознании носителя, но не находящее отражение в толковом словаре, следует отметить, что и у А. С. Пушкина не только план содержания лексем, зафиксированных в литературных источниках, не всегда совпадает с тезаурусами, но и фонографическое оформление отражает индивидуально-авторский стиль, в частности варьирование чередований с *-ли-*, *-ль-*, колебания в определении рода и др. Публицист в своём творчестве «проецирует самобытную языковую форму» (Игнатенко, 2025, с. 690), используя графическую форму лексем, опираясь на стилистические особенности языковой единицы, отсюда, возможно, появление разговорных, устаревших форм, разделение по синтаксической роли, по смысловому значению.

Заключение

В заключение можно прийти к следующим выводам: фонографические варианты присутствуют в разных тематических группах. В то же время при исследовании хронологической составляющей ассимиляции нами отмечено, что в заимствованиях, пришедших в отечественный язык в конце XVII – XVIII в., в рассматриваемый период вариативность практически нивелируется, тогда как активизируется план выражения у языковых единиц, появившихся в отечественной речи в середине XVIII в. вплоть до первого десятилетия XIX в.

Что касается соотношения версий в «плане содержания» и «плане выражения», то дифференциация присутствует в некоторых единичных формах, где значение лексемы влияет на графическую форму языковой единицы (*талья* – *талия*, *галиот* – *гальот*, *фронт* – *фрунт* и др.). Следует также отметить, что значительное количество разночтений представлено у писателя в косвенных падежах, тогда как именительный падеж чаще отражает нормы русского языка. Таким образом, существительные, выражающие различные синтаксические значения, могут применяться у автора-билингва по-разному (кроме *станса* – в *станцах* и др.).

В работе представлена следующая типология ассимиляции французских лексем: во-первых, значительное место в текстах А. С. Пушкина занимают варианты, связанные с передачей французской фонемы [i] в буквосочетаниях *-ill-*, *-illi-*, *-li-*, которые активно применяются в XVIII в. и в XIX в.: *баталия* – *баталья*, *баталион* – *батальон*, *галиот* – *гальот*, *миллион* – *милльон*, *почталион* – *почтальон* и др. Можно предположить, что здесь вступает в оппозицию соотношение нейтрального и разговорного стилей. Тенденция в ассимиляции существительных проявляется следующим образом: литературной нормой чаще признаётся сочетание *-ли-* (транслитерация французского источника), тогда как *-ль-* (на русской почве) в редких случаях отражает правила русского языка. Во-вторых, транскрипция французских *u/i/e/a/y/o*: *арьергардия* – *арьергард*, *пьеса* – *пьеса*, *фронт* – *фрунт* и др., где субституция гласных звуков не является существенной в дифференциации лексем с точки зрения как грамматической роли, так и лексической. В-третьих, триплет *c/z/s*: *цензор* –

ценсор, цензура – ценсура, экзерциция – экзерсиция, стансы – станцы, где звуко-буквенная вариативность связана с отсутствием указанных фонем в русском языке. В-четвёртых, в творчестве автора сохраняется общепринятая вариативность в передаче удвоенных согласных, в нашем случае такие разновидности встречаются в чередовании *лл/л – рр/р – фф/ф*.

Несмотря на то, что язык А. С. Пушкина отражает общий процесс ассимиляции лексем рассматриваемого периода с передачей удвоенных согласных в сочетаниях с отсутствующими в принимающем языке звуками, у автора наблюдаются варианты, не используемые в лексикографических изданиях, архаизированные формы и, напротив, орфографические версии, ставшие впоследствии нормативными, например, у существительного *брильянт* лексикографическое издание фиксирует четыре варианта, у писателя мы наблюдаем следующие формы: *бриллиант, брилиант, брильянт*, – две из которых становятся нормативными: *бриллиант* и *брильянт*; *бильярд* – шесть разночтений в словаре, тогда как у А. С. Пушкина – *биллиард* и *бильярд*, где литературной в настоящее время признаётся форма *бильярд*.

Включение же в текст архаизированной лексики в некоторых случаях или обусловлено речевой характеристикой действующих лиц сюжетной особенностью произведения [*магазин – магазейн* (историческая проза), *манер – манир* (художественное произведение)], или может свидетельствовать об их функциональной тождественности в первой трети XIX века (*пьеса – пиеса* 'театральное представление', *батальон – баталион* 'войсковое подразделение' и др.). Исходя из художественного замысла произведения применяются и разные дублеты, так, в «Истории Петра I» большое количество форм, связанных с передачей звука [i], фонем [iɪ], тогда как в «Критике и публицистике» распространены переложения с французскими *c/z/s*.

В целом выбор формы языковой единицы у автора может выполнять неоднородную функцию в произведениях: от прагматических задач, когда фонетический вариант связан со средством достижения цели, до художественных, проявляющихся как в создании образа, так и в выражении авторской позиции.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно отметить влияние многоконтактности на вариативность фонем, а также рассмотреть перечисленные выше существительные в текстах других авторов указанного периода и проанализировать типологию применения фонографического оформления лексем в других частях речи.

Материалы исследования | Research materials

1. БСИС – Большой словарь иностранных слов. М.: ЮНВЕС, 2004.
2. БТСРЯ – Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.
3. НС – Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значения которых не всякому известно: в 3 ч. СПб.: При Императорской Академии наук, 1806. Ч. 2-3.
4. ОСКП – Орфографический словарь. Комментарий. Правила: справочник. Изд-е 3-е, испр. и доп. СПб.: Норинт, 2000.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 6 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1950. Т. 5-6.
6. Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. Т. 3.
7. САР XVIII – Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: При имп. Акад. наук, 1790. Ч. 2.
8. САР XIX – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1806. Ч. 1.
9. САР XIX – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1809. Ч. 2.
10. СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века: в 9 вып. Л.: Наука, 1984. Вып. 1.
11. СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века: в 9 вып. Л.: Наука, 1985. Вып. 2.
12. СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века: в 9 вып. СПб.: Наука, 1992. Вып. 7.
13. СЯП – Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. Т. 1.
14. СЯП – Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. Т. 2.
15. СЯП – Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. Т. 4.
16. ТСЖВЯ – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989а. Т. 1.
17. ТСЖВЯ – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989б. Т. 2.
18. ТСЖВЯ – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1991. Т. 4.
19. ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1.
20. ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 4.
21. DAF – Dictionnaire de l'Académie Française. P., 1762. Tom premier.
22. DELF – Dauzat A. Dictionnaire etymologique de la langue française. P., 1961.

Источники | References

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. К., 1979.

3. Галеева И. К вопросу об особенностях субстантивов, характеризующих человека, в романе-эссе М. Уэльбека «Расширение пространства борьбы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78).
4. Динисламова О. Ю., Панченко Л. Н. К вопросу о графической и орфографической вариантности в современном мансийском языке // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 2 (57).
5. Игнатенко А. В. Параметры идиодискурсивного и лингвоэстетического художественного моделирования // Russian Journal of Linguistics. 2025. Vol. 29. № 3.
6. Коголова Е. А. Базовые принципы практической фонетики французского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864).
7. Крысин Л. П. Слова-чужестранцы в русском обличье // Русская речь. 2012. № 4.
8. Лукина А. Е. Диасистемная вариативность в эволюции французского языка (на материале глагола) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88.
9. Омри А., Фаттахова Н. Концептуальное пространство лексемы ДОМ/MAISON в русском и французском языках // Филология и культура. Philology and Culture. 2022. № 2 (68).
10. Палькина В. В. Заимствования из арабского языка во французском языке в XIX и XX веках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882).
11. Приемышева М. Н., Стукова Е. Г. К содержанию понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии: нормативно-стилистическая vs ортологическая традиции // Вопросы лексикографии. 2024. № 32.
12. Пушкин А. С. Мысли о литературе / вступ. ст. М. П. Еремина, прим. М. П. Еремина, П. М. Еремина. М.: Современник, 1988.
13. Рудакова А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии // Вопросы психолингвистики. 2022. № 2 (52).
14. Сидоров А. А. Хронологическая вариативность французского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 2 (18).
15. Сенченкова М. В. Грамматические категории имени существительного во французском языке (в сопоставлении с русским) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2025-1-1525>
16. Стернин И. А. Ложные значения в языковом сознании: реальность или фикция? // Вопросы психолингвистики. 2021. № 1 (47).
17. Токарев Д. В. Понятие метафизического языка и политика перевода у П. А. Вяземского // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 4.
18. Томилова А. И. Современный словарь псевдозэквивалентов французского и русского языков // Вопросы лексикографии. 2024. № 31.

Информация об авторах | Author information

Гордеева Лариса Павловна¹, к. филол. н., доц.

¹ Казанский федеральный университет

Larisa Pavlovna Gordeeva¹, PhD

¹ Kazan Federal University

¹ lp-gordeeva@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.07.2026; опубликовано online (published online): 14.09.2026.

Ключевые слова (keywords): галлицизм; фонетико-графическая ассимиляция; фонографические варианты; язык-донор; язык-реципиент; Gallicism; phonetic-graphic assimilation; phonographic variants; donor language; recipient language.